

И все-таки я танцую

Инна Пастушка

16+

Инна Пастушка

И всё-таки я танцую

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43691288

SelfPub; 2019

Аннотация

Непрост и тернист жизненный путь девушки из Подмосковья. Невзирая на разочарования и предательства, она, не сворачивая, идет своей дорогой. Полученный опыт учит девушку пробиваться в этой жизни. Скромная, застенчивая Эмма, между тем, имеет талант к иностранным языкам и необыкновенную силу оптимизма. Единственное, чего не умеет девушка, это жить для себя. Кто же Эмма – вечный служитель чужих прихотей, желаний или женщина, которая имеет право на свое личное счастье, право на любовь?

Содержание

1. Простая подмосковная квартира	4
2. Эмма и Булыжник (история любви)	18
3. К чему приводит незнание города	32
4. Ты только больше не плачь	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

1. Простая подмосковная квартира

Белый грузовик, наконец, выполз из пробки на кольцевой Брюсселя и потащился в сторону Ганновера. Спустя час Юрий остановил свой ДАФ у придорожного кафе. У него было сорок пять минут, и, как обычно, он заказал шницель с картофелем фри и стакан яблочного шорли. Из окна кафе он увидел подъехавшую фуру, из которой вышел Карлос. Тот прошёл в заполненное посетителями кафе, занял столик и сел дожидаться официанта. Юрий сделал вид, что не замечает итальянца, быстро доел свой обед, расплатился и переместился в грузовик. До конца перерыва оставалось около получаса, которые Юрий решил скоротать в теплом спальнике.

Юрий никогда не рассказывал коллегам, что еще подростком переселился в Германию из Казахстана, впрочем, кроме Софи – его бывшей жены, об этом вообще никто не знал. Рождение Юрия за пределами Германии – было семейной тайной за семью печатями. Родители мальчика так пеклись о своих немецких корнях, что мальчик, выросший в зрелого мужчину, знал одно: быть немцем – это хорошо, быть эмигрантом – плохо. Юрий держался особняком от коллег – рабобтяг-дальнобойщиков, не скрывая чувства превосходства над понаехавшими в основном из восточной Европы контрактниками.

Юрий взглянул на часы, обнаружил, что сорок пять ми-

нут, отведенных на перерыв, закончились. Машина зарычала, и тягач потащил по автобану тринадцатиметровый прицеп. Из радиии доносились голоса, которые обсуждали какую-то дребедень, – вся эта болтовня раздражала Юрия. Кто-то из весельчаков рассказал анекдот, он узнал голос Ящика – поляка, недавно присоединившегося к их группе. Из радиии донесся дружный хохот дальнобойщиков, и Юрий прикрутил звук.

Как обычно после смены, дальнобойщики зашли в кнайпе, которая находилась буквально в нескольких метрах от автобусной остановки. Дождь перешел в мокрый снег, Юрий надел капюшон и пошел на автобусную остановку. Из кнайпе выглянул Карлос и позвал его:

– Эй, опять спешишь? Пойдем, по пиву и по домам!

Юрий хотел сделать вид, что не видит товарища, но назойливого итальянца было невозможно не увидеть.

– Пойдем, пойдем! – подзывал тот, активно жестикулируя, – наши все там, – мотнул он головой в сторону кнайпе.

Юрий сам не понял, почему согласился, скорее всего, у него не было другой возможности отделаться от Карлоса. Он зашел в кнайпе, подсел за столик к коллегам и заказал кружку пива. Дальнобойщики не обратили внимания на присоединившегося к ним Юрия, казалось, стул, который тот занял, по-прежнему пустовал. Впрочем, Юрий уже успел пожалеть, что присоединился к ним. Его не столько раздражало невнимание коллег, сколько неловкость перед хозяином

кнайпе за такое соседство. Он махом выпил пиво, кивнул в знак прощания и, оставив на столе деньги, поспешил покинуть помещение.

У входа он столкнулся с Джулией – женой Карлоса. Итальянка заглушила свой поддержанный мотоцикл и посигналила, давая понять мужу, что его посиделки в пивной на сегодня окончены. Она сняла шлем, и копна густых черных волос рассыпалась по спине девушки. Юрий видел, как товарищи через окно поглядывали на жену Карлоса.

Джулия, демонстрируя изящную, точеную фигуру, которую выгодно подчеркивала облегающая байкерская экипировка, осматривала мотоцикл. «Наверняка знает, что за ней наблюдают», – недовольно отметил Юрий, искоса поглядывая на жену Карлоса. Ему не нравились девушки типа Джулии, которые пользовались любой возможностью отметить свою привлекательность, приковывая взгляды мужчин. Со всем не под стать ей Эмма – девушка о которой Юрий думал все чаще и чаще, хотя не верил, что интернет-знакомство может иметь хоть какую положительную развязку. Что-то, а расстояние от Москвы до Ганновера Юрий изучил по карте основательно.

Взгляд Джулии прошел сквозь Юрия, и его кивок головы, похоже, остался незамеченным. Через минуту вышел Карлос, и, завидя замешкавшегося Юрия, с присущей итальянцам манерностью, сообщил, кивая в сторону Джулии:

– Видел, моя приехала?!

Наконец, мотоцикл, издавая рычание, от которого у Юрия заложило уши, укатил в направлении города.

Идя на остановку, Юрий напоследок бросил взгляд на кнайпе, где дальнбойщики, расслабившись после рейса, не спешили уходить. Войдя во вкус, они заказали свиных ребрышек, овощей, еще по кружке пива, дружелюбно приветствуя хозяина кнайпе, который подошел к их столу.

После ужина Юрий включил компьютер. На сайте знакомств его ждало несколько сообщений, но от Эммы ничего не было. Вздыхнув, он протянул руку к компьютерной мыши, но вдруг раздался щелчок, и появилось сообщение. Он с надеждой нажал на конвертик, где сразу же появилась крошечная фотография Эммы. Сообщение было от неё.

В подмосковной небольшой квартире в такое позднее время уже был погашен свет, за исключением спальни, которую освещал монитор компьютера. Девушка, одетая в хлопчатобумажную ночную рубашку, с подобранными вверх русыми волосами, набирала текст, не глядя на клавиатуру. Со своим знанием иностранных языков она могла бы свободно общаться с любым из мужчин, которые смотрели на нее из своих окошек-домиков на экране. Под каждым из них размещалось описание их достоинств и жизненных желаний. Девушка уменьшила экран, и мордашки стали совсем крошечными, при этом они умножились, и казалось, им нет конца. Нет конца тем, кто хочет найти свое счастье...

Эмма вздохнула, собираясь отключить компьютер. Но в

этот момент появился он. Под окошком, на котором было изображено фото мужчины средних лет, неказистого внешне, зато без длинного списка желаний в своем профиле, зазвучала надпись «онлайн». Судя по времени, вернулся из рейса, полтора часа как зашел в квартиру, принял душ, поужинал и сейчас заглянул поздороваться перед сном, – сообразила Эмма, зная практически все привычки своего немца.

– Рада тебя видеть, – отправила она.

– Добрый вечер. Я полтора часа, как дома, – появилось сообщение на её мониторе. – Включай скайп.

За те несколько дней, что она не выходила в эфир, он мог обзавестись новыми знакомствами, благо, интернет пестрит фотографиями славянок, которых якобы так любят иностранцы. Потом он мог встретить какую-нибудь рыжеволосую прелестницу в своем Ганновере. И, на худой конец, он мог просто ее забыть.

Но, как бы там ни было, именно с её монитора смотрели все те же близко посаженные карие глаза на удлинённом лице Юрия, которое заострялось к подбородку. Девушка рассматривала непослушные, коротко стриженные, чуть взъерошенные темные волосы и слушала быструю речь Юрия. Его узкие с широким разрезом губы редко улыбались, что, впрочем, ничуть не смущало Эмму. Девушке казалось, что она нашла своего человека.

Из короткой переписки Эмма узнала о деталях последнего рейса Юрия, в который раз выслушала его брюзжание

по поводу итальянцев, поляков и представителей других национальностей, которых, по мнению Юрия, никто туда, то есть, в Германию не приглашал. Ознакомилась с планами Юрия на ближайшие выходные, получив детальное описание его обычного времяпровождения в клубе голубятников. Она знала, что у Юрия нет голубей, но также она знала, что увлечение голубями – это чисто немецкая привычка, что лишний раз позволяло Юрию находиться «среди своих».

Она пожелала спокойной ночи, и они оба выключили свои компьютеры, один – в Германии, вторая – в далекой России. Её совсем не удивляло, что он не интересовался её делами, не задавал вопросов, не пытался узнать что-либо из её жизни. За время их общения она выучила его привычки, характер, отношение ко всевозможным мелочам. И, что удивительно, она не испытывала обиды от его невнимания к ней. Он был ничем не лучше и не хуже других. Разве кто-то поступал с ней иначе?

Эмма сняла заколку, встряхнула головой, запустила руки в волосы, массируя голову. Монитор погас, комната погрузилась в темноту. Она натянула одеяло до самого подбородка, спрятала голые ноги под пуховое тепло, свернувшись калачиком. От постельного белья веяло легким цветочным ароматом, который она открыла для себя в маленьких подушечках со средством для стирки. Удивительный запах, – утвердилась в мысли Эмма, одиноко засыпая в постели. И, уже основательно погружаясь в сон, успела подумать: надо

не забыть положить их в чемодан, вдруг там таких нет.

Вся жизнь Эммы была постоянной погоней за счастьем. Но все ее усилия приводили к закономерным в ее судьбе крушениям. Правда, к счастью, природа наградила ее нестигаемым при всех неудачах оптимизмом. На этом она и держалась. И тогда в девяностых, когда попыталась вырвать семью из нищеты, и добилась разрешения на выносную торговлю. Когда вокруг ее торговой точки в виде раскладушки, как на дрожжах, росли киоски, в бывших государственных помещениях открывались магазины, которые хваткие чиновники приватизировали, превращая все вокруг в личную собственность. Когда она, неделями не высыпаясь, закупала на ночном оптовом рынке женское белье, которым плотно набивала большие клетчатые сумки.

Дожидаясь электричку, она прямо на улице засыпала на тех же клетчатых сумках, понимая, что зал ожидания на вокзале не резиновый. Рядом были такие же, как и она, саквояжники. Самые волевые из них, находили в себе силы сквозь сон следить за сохранностью багажа, не забывая отгонять крыс.

– Да, проснитесь вы! – раздавался крик и громкие хлопки в ладоши. – Вон подбирается уже одна!

Спящие открывали глаза, визжали, кто-то смеялся, кто-то чертыхался, а Эмма, замечая крысу, вскарабкивалась на массивные сумки с ногами, до тех пор, пока снова не погружалась в сон, – просыпаясь через время от тех же хлопков

и криков.

Оплаченная на месяц вперед торговая точка закрепились за ней, и она, возвратившись в свой город, раскладывала белье на раскладушке, придавая тому эстетичный, товарный вид. Вырученных денег хватало только на то, чтобы расплатиться за новую партию белья, оплатить дорогу, и купить поесть. В конце концов, мать Эммы признала ее торговлю нерентабельной, открывая глаза дочери на успешно работающие соседние магазины, где прибыль превращалась в приобретенные, хоть и поддержанные, но иномарки.

Трусы и лифчики особенно народ не интересовали, Эмма понимала, что люди хотят есть. И вот однажды она сдала весь непроданный товар за полцены и решительно закупила продукты. Все в тех же клетчатых сумках она приволокла сливочное масло, окорочки, мелкие фасованные сладости и, вместо раскладушки, на ее пяточке появился небольшой столик со старыми, взятыми напрокат весами. В тот же день, возвратившись домой, Эмма пересчитала выручку и от волнения не смогла удержать ложку, хлебная суп, – руки дрожали. К ночи она придумала план, мать завтра допродаст оставшиеся продукты, а Эмма поедет за новой партией товара.

Прошло две недели, и Эмма поняла, что жизнь наладилась. Несмотря на изнуренность и хроническое недосыпание, она почувствовала себя акулой торгового бизнеса. Она смогла, она сделала это!

– Запишусь на курсы вождения, – сообщила она матери. –

Машины возьмем поддержанную, сейчас все так делают. Давай Вольво, как у Рыковых, не с нуля, конечно, но выглядит классно.

– Когда это будет, – улыбнулась мать. – На машину еще работать и работать надо.

– Тогда наймем водителя с личной машиной, – тут же сообразила Эмма, прикидывая на калькуляторе расходы. – Поговори с дядей Сашей, все равно он на пенсии без дела. И ему хорошо будет, и нам.

– А вот это идея, – оживилась мать, – да-да, это было бы хорошо. Я прямо завтра поговорю с ним, думаю, сестре он не откажет. Да и сам зарабатывает.

Эмма наблюдала, как у матери загорелись глаза, она под села к ней поближе и тихонько сказала:

– Мам, а помнишь, как мы лук жарили?

– Ну, жарили и жарили... – с подбадривающей улыбкой невесело ответила мать. – Чего вспоминать, жизнь такая была, лука вон сколько уродило, а денег не было. Вот и жарили. Теперь, в случае чего, можем бизнес делать, мы-то знаем, как вкусно лук пожарить, хлебом юшечку промокнуть и голодными не остаться. – И вдруг мать заплакала.

– Мам, ну ты чего? В прошлом уже все это. Завтра дядю Сашу наймем, прибыль удвоим...

– Главное, – перебила мать, – тебе не придется каждый день – через день мотаться. Жалко на тебя смотреть, похуда как... По мне, так лучше б лук ели...

– Здрастье, приехали, – засмеялась Эмма. – Пойдем спать, а завтра с новыми силами в бой.

На следующий день внимание Эммы привлекла подозрительная активность соседей-предпринимателей, которые столпились кучкой возле ближайшего к ее точке магазина и о чем-то шептались, кидая на Эмму колючие взгляды. Мне бояться нечего, – решила она, – налоги плачу, декларации вовремя заполняю, торговое место оплачиваю. К ее радости хозяева соседних магазинов разошлись, но тихая психологическая угроза, которую она от них почувствовала, переросла во вполне сформировавшийся физический объект в виде представителя органа местного самоуправления. Стоя перед столиком Эммы, немолодая с цыпками на локтях женщина тыкала ей какой-то документ, в котором значилось, что данный субъект предпринимательской деятельности, то есть Эмма, не может осуществлять торговлю продуктами на открытом воздухе.

– Вы имеете право вести торговлю в этом месте только непродовольственной группой товара, – резюмировала она. – Кстати, вы здесь раньше бельем торговали, вот им и занимайтесь. А этого, – окинула она взглядом столик с продуктами, – чтобы я больше не видела. Да и весы ваши еще проверить не мешало... – она взяла килограммовую гирию, выверяя в руке вес. – Ладно, если прямо сейчас уйдете, никто вас проверять не будет.

Эмма собрала в сумки непроданные продукты и, про-

низанная лживо-сочувствующими взглядами соседей-предпринимателей, скрывая нахлынувшие слезы, сложила свой столик. Таким образом, Эмма покинула прибыльное место, предоставив человекообразным пираньям возможность съесть дальше друг друга, благо у каждого из них были свои знакомства и связи.

На этом коммерция Эммы, как ни странно, не завершилась, что говорит в пользу ее оптимизма. Поняв, что в торговлю без связей и денег не пробиться, она принялась жарить пирожки. Около полуночи она замешивала тесто, под утро вставала, жарила, и автостопом, когда еще не ходил городской транспорт, добиралась к первой утренней электричке, где кормила голодных пассажиров-челночников. Поначалу пирожки шли нарасхват, потом по мере появления конкурентов, пирожки пришлось увеличивать в размере, и в конечном итоге, Эмма продавала пирожки размером с ладошку.

– Смотри, весь потолок закопчен, – сердилась мать. – Бросай это дело, ремонт один чего стоить будет! Посмотри на стены возле плиты...

– Мам, зато живая копейка, – спорила Эмма.

– Да жалко мне тебя, вон совсем без сна. Да и без выходных.

Ну, как бы там ни было, но каждое утро будильник звонил в одно и то же время, стрелки показывали четыре часа, и Эмма шла на кухню. Там она надевала старый спортивный

костюм, который, несмотря на фартук, все больше промасливался, вызывая у Эммы стойкое неприятие к ее пирожковой деятельности. «Лишь бы мать не увидела», – думала Эмма, скрывая от матери слезы, которые капали прямо на стол. «Такое чувство, что я родилась в этой робе», – про себя причитала она, брезгливо окидывая взглядом свой спортивный костюм.

А потом она начала писать стихи. Без смысла, без особого содержания, главное, рифма. Это ее отвлекало от рутинной лепки пирожков, Вот только с третьей строкой всегда была незадача, она совсем не хотела рифмоваться. Это сердило Эмму, и она перешла на прозу. Сначала она просто записывала свои мысли, потом стала составлять маленькие истории, – особенно хорошо ей давались детские. Она писала на заготовленных листках бумаги, а в свободное время переписывала в общую тетрадь, которую прятала в верхнем ящике своего стола.

По образованию Эмма была преподавателем английского языка, но так сложилось, что после университета девушка не могла найти подходящей работы; все места в школах были или уже заняты, или забронированы учителями для своих подрастающих чад. В педагогике, как и в медицине почему-то принято идти по стопам родителей, вот преподаватели и держали места для своих детишек, готовя себе замену. А Эмма, побегав по школам, и получив множество обещаний, так и осталась со своим английским не у дел. На-

верное, это смешно сказать, но, кроме английского, вторым профильным предметом был немецкий. Смешно...? А как же иначе, если образованная, подающая надежды выпускница ВУЗа никому не была нужна в стране, которую захватили коммерсанты с большой дороги, а без блата и знакомств было не пробиться.

И вот, как бы это грустно не звучало, Эмма нашла применение своим иностранным языкам во время лепки пирожков. И в общей тетради, куда она записывала свои придуманные истории, появились английские и немецкие литеры. Незаметно для себя, девушка увлеклась, и в ее прозе все чаще стали появляться иностранные имена, города, дальние страны... Она представляла себя путешествующей по красивейшим местам мира, и однажды мечты привели ее в Панаму. Эмму покорила простота незамысловатых построек, душевность, открытость местных жителей. И там в одном из ресторанов она замечает его – высокого, статного джентльмена в широкополой шляпе. Он садится за соседний столик, заказывает себе лучший сорт пива «Панама» и, ожидая официанта, оглядывает зал. «Иностранец», – резюмирует Эмма, украдкой поглядывая на него, – скорей всего, англичанин. Их взгляды встречаются, девушка робеет и... взволнованная Эмма закрывает тетрадь, оставив недописанной свою повесть. Так, незаметно для себя, Эмма перешла с детской прозы на мечты, которые прятала в верхнем ящике письменного стола.

Однажды, когда Эмма, на ночь глядя, замесила тесто, она, как обычно, отправилась в постель, предварительно заведя будильник на четыре часа. Засыпая, она вдруг явственно увидела картину, где в керамической чашечке пеной вздымаются дрожжи, которые она забыла добавить в тесто. Чего только не приведется?! – пробудилась ото сна Эмма, но на всякий случай поднялась проверить. Ее видение подтвердилось, – на столе, действительно, стояла чашечка, а в ней через край выливались дрожжи. То ли от отчаяния, то ли от усталости, Эмма заплакала – навзрыд, на всю кухню. Она с каким-то остервенением схватила чашку, вылила дрожжи в раковину, запихнула тесто в полиэтиленовый пакет и выкинула его в кухонное ведро.

– Я давно тебе говорила, бросай эти пирожки, – услышала она голос матери.

В то утро Эмма спала, как младенец. Казалось, она ото-спалась за все бессонные ночи. А когда проснулась, обнаружила, что мать переклеила обои возле кухонной плиты и категорично заявила:

– Только попробуй закоптить! Чтобы я здесь больше пирожков не видела.

2. Эмма и Булыжник (история любви)

Эмма была поздним ребенком, отец умер несколько лет назад, а мать – бухгалтер по профессии, вышла на заслуженную пенсию. Родители Эммы разошлись, когда девочка училась в старших классах школы. После развода, дом был разменян, и мать с дочерью перебрались в двухкомнатную квартиру почти в самом центре города, а отец переехал во флигель, который ему любезно предоставила последняя жена его давно почившего папаши. Деньги, оставшиеся после обмена, были отданы бывшему главе семейства, которые тот благополучно пропил.

Мать Эммы любила своего мужа, но постоянные пьянки постепенно разрушили семью. Как-то мать рассказала Эмме: – Моя мама – твоя бабушка Татьяна, всегда говорила мне: «смотри, не выбери себе алкаша или голубятника». И тот, и другой радости в дом не принесет. С алкашами понятно, но чем маме не угодили голубятники, так я и не узнала. Но она оказалась права, счастья было мало. Василий оказался и алкашом, и в придачу голубятником. После свадьбы принес за пазухой голубя, а вскорости и остальных притащил. Оказывается, все это время он их у друга прятал.

Эмма помнила отцовскую голубятню, сама не раз там бы-

вала. Отец с гордостью показывал ей голубей, называл масти, расхваливая их на все лады. Из всех Эмма запомнила только лохмоногих, — так называл их отец, — и тех, у которых были кольца на лапках. Они вместе забрасывали голубей вверх, и наблюдали, как те взмывали в небо, совершая посадку на специальной сделанной отцом вышке. Иногда голуби залетали в чужие голубятни, и отец шел выменивать их или выкупать, — все зависело от ценности и породы голубя.

Эмма любила отца и старалась помнить только хорошее. Но последние годы, когда семья еще была вместе, отец, практически, не просыхал. Он куда-то уходил с утра и возвращался ближе к полудню, еле державшимся на ногах. Эмма укладывала его на диван, где он спал практически всегда с открытым ртом, зычно храпя. Случалось так, что отец чихал во сне — громко и долго. Мать говорила, что это аллергия на алкоголь, и Эмма, переживая за отца, придерживала его голову, чтобы тот не захлебнулся слюной. Но, как бы там ни было, свое детство и юность Эмма вспоминала с благодарностью к обоим родителям.

Настало время, когда почти все ее подруги обзавелись парнями, только Эмма оставалась одна. Не то, чтобы на нее не обращали внимания, просто она ни в одном из них не видела своего героя. Обычно подруги брали ее с собой доверком, чтобы не скучала дома. И когда с приходом темноты, разбившиеся на пары, влюбленные уединялись на лавочках, она чувствовала себя неприкаянной и испытывала не столь-

ко одиночество, сколько неловкость.

И вот однажды, когда они с друзьями отправились на местный пруд, в машину подсел светловолосый, упитанный парень.

– Знакомься, – сказали ей, – это Булыжник. А это Эмма, – познакомили их.

В машине Эмма украдкой рассматривала своего нового знакомого: «ничего, симпатичный такой», – отметила она, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– А почему Булыжник? – спросила она, когда все булты-хались в воде, и они остались на покрывале вдвоем.

– Потому что Булычев. Булычев Максим Дмитриевич. Что-то мы с тобой раньше не встречались... – отметил он.

– Да, не приходилось, – согласилась Эмма и тут же иронично добавила, – прям Максим Дмитриевич?

Булыжник ухмыльнулся, налил пива в металлические кружки, подал одну Эмме и потянулся чокнуться. Тут же разом выпил все содержимое кружки, и стал наблюдать, как Эмма, стараясь казаться непринужденной, отпивает маленькими глотками теплое пиво.

– Что ты его мучаешь? – ухмыльнулся он. – Выпила разом и все! Теплое – уже невкусное.

Он энергично подтолкнул кружку к губам Эммы, остатки пива выплеснулись на лицо девушки, а кружка звонко цокнула по зубам.

– С ума сошел?! – подскочила Эмма, и побежала к пруду.

– Слышь, ты прости, я не хотел, – объяснялся Булыжник, – придерживая девушку, пока она умывала лицо, – жара, пиво теплое, вот и развезло. Ну, ты веришь мне, что я не нарочно?

Он держал Эмму за талию, и это были первые мужские руки, которые прикасались к ней.

– Верю, верю! – высвободилась она и побежала в воду, – жара страшная, надо искупаться!

Эмма видела, что он смотрит на нее с берега. Она дождалась, пока все вышли из воды, и присоединилась к компании на покрывале.

После этого случая Эмма находила разные причины, отказывая друзьям в совместном отдыхе. Она боялась встречи с Максимом и в то же время ждала ее.

– Тебе Булыжник привет передавал, – докладывали подруги. – Может, поехали завтра с нами, он тоже будет.

Отказ Эммы приводил их в недоумение.

– Ну ты и дура – такой пацан! – искренне возмущались они. – Мы тебе уже говорили, кто его отец? Его, как адвоката, в нашем городе все знают. А Макс в этом месяце в юридический поступает. Ну, классная ж семья, что тебе еще надо?!

Эмма не понимала, причем здесь семья?! Почему ее подруги рассуждают, как взрослые, которые хотят пристроить своих чад? А Максим и так не оставлял ее мыслей, погружая по ночам в бурные эротические фантазии.

– Ладно! – все-таки однажды не выдержала Эмма, делая вид, что пошла на поводу у подруг. – Только от меня не от-

ходите, если что, я сразу уйду.

– Нет, что ты, мы и в постель с вами пойдем, – пошутили ей в ответ.

Эмма готова была тут же отказаться: «пусть думают прежде, чем так шутить!». Но ощущение того, что она полноценная девушка, из тех, которые в восемнадцать лет, как и положено, может иметь своего парня, вскружило ей голову. «Ладно уж, пусть ржут!», – добродушно позволила Эмма.

В этот раз они взяли с собой самогон. Девушки разложили закуску на покрывале, очищая картошечку в мундирах для своих парней.

– А мне почистишь? – спросил Максим.

– Ну, давай, – согласилась Эмма, старательно снимая кожуру с картошки.

– Ну, всё, всё, очистила уже, – нетерпеливо заметил Максим, захватив ладошки Эммы в свои.

– Ой, картошка горячая! – вскрикнула она, выдергивая ладони из его рук.

– Прости. Давай и я тебе почищу. Вот, готова, держи. Что тебе еще подать? – ухаживал он за ней.

По кружкам разлили самогон, и Эмма неожиданно шепнула на ухо Максиму: «Я не знаю, как его пить».

– Никогда не пила самогон? – удивился Максим, и обнял Эмму за плечи, привлекая к себе. – Смотри, делаешь глоток и сразу же закусываешь. Запивать не рекомендуется, потом голова болеть будет.

Он поймал удивленный взгляд Эммы и объяснил:

– Отец научил. В смысле, не специально учил, – но он всегда так пьет и другим советует, – заржал парень.

Самогон обжег Эмме горло, она закусила свежим огурцом из рук Максима. В голове появилось ощущение легкости, ушли стеснение, зажатость, и руки Максима больше не смущали девушку. Вместе со всеми она пригубила «по второй», приняла предложенную руку Максима и вместе с ним пошла в воду.

– Не упади, – придерживал он ее, – здесь, как только заходишь, трава скользкая. Держись за меня, – помогал он, – там дальше дно обрывается и резко глубина.

По пояс в воде, они держались за руки. Максим зачерпнул воды и намочил Эмме плечи, спину. Девушка потянулась руками к солнцу и тут же почувствовала, как вода, затекая в лифчик, мочит ей грудь.

– Ты что делаешь...? – тихо спросила она.

– Ополаскиваю, чтобы солнце не обжигало, – улыбаясь, ответил Максим, и набирая в ладони воду, стал лить на грудь девушке.

– Знаешь, что, я тоже так могу! – изображая гнев, завизжала Эмма, и принялась неистово обрызгивать парня водой.

Он громко хохотал, подставив под брызги лицо, с искорками в глазах наблюдая за баловством девушки. Незаметно он приближался к ней, как осторожный хищник, и, добравшись до своей жертвы, обхватил ее, не давая возможности

пошевелиться. Максим прижал Эмму и стал тереться об нее своим телом.

Она не понимала, что происходит. Обездвиженная, чувствуя легкую боль от его сильных рук, она не хотела сопротивляться. Его губы приблизились к её лицу, он целовал её щеки, нос... От жары, солнца, выпитого спиртного в глазах у нее все поплыло. Она больше не могла и не хотела сдерживаться. Её губы стали сами искать его. Но губы парня все время ускользали, как будто он специально решил свести её с ума.

– Пойдем на берег, – наконец, пришла в себя Эмма.

– Не могу, – прошептал он, взял её руку и коснулся того места, которого Эмма очень боялась. Там было твердо и очень пугающе.

Эмма отдернула руку, она уже пришла в себя, и у нее было только одно желание – скорей выйти на берег. Но Максим удержал девушку, и, не давая времени на раздумье, вцепился в нее долгим поцелуем.

– Ты же этого хотела? – спросил он, наконец, выпуская её из своих цепких рук.

– Ничего я не хотела! – уже полностью отрезвевшая и пришедшая в себя Эмма рванула из воды.

Они оба заняли свои места на покрывале, и тут все принялись хохотать над Максимом. Эмма посмотрела на него и, смущаясь, отвела взгляд. Лицо вокруг рта парня была перепачкано красной помадой.

Спустя несколько дней, Эмма переспала с Максимом. Случилось это в ее квартире, когда мать была на подработке. Он просто пришел к ней и позвонил в дверь. Эмме не понравился такой неожиданный визит, но понятие о гостеприимстве, доставшееся ей от матери, не позволило держать гостя на пороге. В простом ситцевом халатике, без макияжа она чувствовала себя застигнутой врасплох. Девушка пригласила его на кухню, поставила чайник и собралась испечь оладьи, потому как к чаю ничего в доме не было.

– Не надо оладьей, – остановил ее Максим. Он из пакета достал бутылку вина и фрукты. – Вот нарежь, и достань бокалы.

– Зачем это? – растерялась она.

– Давай, давай! Только не говори, что ты никогда не пила вино.

– Пила! – возмущенно парировала Эмма, хотя она не могла вспомнить, когда и с кем.

– Ну, так чего тогда?! – нагло развалившись на стуле, ухмыльнулся Максим. – Ладно, где у вас бокалы? – он поднялся, проверяя навесные шкафчики. Не найдя бокалов, он спросил, – но хоть один стакан в доме имеется?

Эмма ушла в гостиную, и из «стенки» достала два бокала.

– А, вот, где вы их прячете. Ну да, не подумал, – раздался его голос за спиной Эммы.

Он забрал у нее бокалы и налил вина.

– А ты куда? – остановил он Эмму.

– На кухню, фруктов нарежу, – ответила девушка.

– Не надо, потом. Давай выпьем, – он подал Эмме бокал с вином и, громко глотая, высушил свой.

Эмма пила неторопливо, как будто тянула время. Максим сел на диван, пристально глядя на девушку. Она стояла прикованная к месту, не понимая, как ей себя вести.

– Иди ко мне, – позвал он.

– Зачем? – Эмма не могла скрыть напряжение.

– Ну, просто... иди, не бойся, – настаивал Максим.

– А я и не боюсь, – ответила девушка. Она поставила бокал и села рядом с Максимом.

– Хотя, подожди, встань. Давай диван разложим, – он за руку поднял ее с дивана и стал разбираться с диванными механизмами.

Потом просто снял с себя штаны, усадил Эмму на диван, и, надавливая на нее телом, через несколько секунд уже лежал на ней.

Оставшаяся в халатике и лифчике Эмма смотрела на своего первого мужчину и уговаривала себя: «это должно было произойти; так положено, а в моем возрасте просто необходимо». Она рассматривала его лицо и думала: «хорошо, что хоть симпатичный». И тут она поймала себя на мысли, что не знает цвет его глаза.

– Максим, посмотри на меня, – попросила она.

Он на мгновение перестал совершать механические движения и открыл глаза. «Голубые, – подумала Эмма, – я так и

думала». Не было чувств, желания... Впрочем, стыда тоже не было. Пустота овладела ей и спасительная мысль: «ну, вот, я теперь такая, как все».

После этого дня Эмма стала для всех девушкой Максима, и некоторое время это доставляло ей моральное удовольствие. Она понимала, что все сделала правильно. В один день потерять девственность, завести парня... — а это значило, что она перестала быть довеском.

Домой к Эмме Максим больше не приходил. Его отец разрешил ему брать машину, и прям там в салоне каждый раз перед расставанием, вместо «до свидания», у них был секс.

Чувства к Максиму у Эммы так и не вспыхнули. Единственным разом, когда ее тянуло к нему и ей казалось, что она влюблена, было тогда на пруду.

Со временем ей все сложнее становилось терпеть ухаживания Максима. Особенно она начала бояться моментов расставания, когда они ставили машину в темное место, и Эмма ощущала прикосновение его тела, чувствовала его дыхание на своем лице, казалось, она отбывает повинность.

Однажды, когда поздним вечером он был без машины и провожал Эмму домой, они сели на лавочку у ее дома. Он хотел поцеловать Эмму, но девушка увернулась:

— Не сейчас, у меня жвачка во рту.

Максимом овладело буйство, он признался, что давно заметил холодность Эммы и понимает, что не сегодня-завтра она его бросит. И тут Эмму осенило. Это был ответ. Она

вдруг поняла, что свободна, имеет право управлять своей жизнью, стоит ей захотеть и больше не придется терпеть присутствие этого человека в ее жизни.

В тот вечер Эмма открыла в самой себе удивительную черту. Она готова терпеть, служить, и совсем не умеет пользоваться своей свободой. Конечно, она встречала людей, которые легко расстаются, легко наносят боль, легко забывают... Но Эмма никогда не считала, что имеет на это право. Она даже никогда не задумывалась об этом. И Эмма поняла, что она «служитель», а это значит, зависимая, несамостоятельная, не самодостаточная... И в тот же день она решила изменить своим непонятно откуда взявшимся принципам, которые мешали девушке познать свою сущность, познать саму себя.

Но расстаться с Максимом так легко ей не удалось. Единственное, чего добилась Эмма, она больше не оставалась с ним наедине и отношения из близких стали постепенно превращаться в дружественные. Так хотела Эмма, но совсем иначе это видел Максим. Он стал грубым, много матерился и напивался больше обычного. Ко всему, мать не давала ей прохода, увещевая не потерять такого завидного жениха, и это больше всего злило Эмму.

Однажды кто-то позвонил в дверь, и, увидев своего гостя, девушка отшатнулась. Перед ней стоял, вернее пытался стоять на ногах, в доску пьяный Максим. Его лицо и рубашка были в крови, костяшки пальцев на обеих руках сбиты. Он

прошел в квартиру, на кухне набрал воды, жадно выпил весь стакан, и предложил Эмме стать его женой.

Не замечая матери Эммы, парень стоял перед ней на коленях, громко рыдал, вытирая полкой Эмминого халата пьяные слезы и размазывая по лицу остатки крови.

– Да ты пойми, если ты будешь со мной, у тебя будет все! – истерил он, – ты ни в чем нуждаться не будешь! Я стану прокурором! Не веришь? Отец мне поможет! Эмка, выходи за меня замуж! – и, видя, что Эмма отстраняется от него, пытаюсь вырвать полу халата, он исступленно закричал, – я люблю тебя! Что тебе еще надо?! Я реально люблю тебя!

Потом из его сбивчивого рассказа Эмма поняла, что Максим с кем-то подрался, но все друзья, к которым он обратился, отказались участвовать в разборках.

– Но хрен они угадали! Они забыли, кто мой отец?! Всех накажу, всех! – с примесью мата, угрожал Максим. Правда, Эмма уже не понимала, кого он намерен наказать, – тех, с кем подрался, или друзей, которые отказались помочь.

В конце концов, с помощью матери Эмме удалось выдворить Максима. Но девушка даже была рада, что мать стала свидетельницей этой сцены.

– Видишь, мама! А ты: «выходи за него замуж, парень из хорошей семьи», – с каким-то злорадством констатировала она.

– Ну, и мне приходится ошибаться, – согласилась мать. – Да уж, лучше простого, но не пьющего.

После этого вопрос с Максимом в семье был закрыт. Правда, избежать встреч с парнем Эмме не совсем удавалось.

Но, все же, произошло событие, после которых Эмма окончательно перекрыла возможность даже случайных встреч с Максимом. Они с друзьями на нескольких машинах отправились на деревенскую дискотеку, и по дороге «подобрали» Максима. Девушку никто не предупредил, что он будет с ними, и деваться было некуда, как терпеть его присутствие. По приезду, Эмма с подругами пошла в клуб танцевать, а парни остались на улице покурить. Когда разгоряченная после танцев Эмма вышла на улицу, она застала до боли знакомую картину. Максим без рубашки с голым торсом кричал и размахивал руками. Обычно, он любил задираться к друзьям, пусть даже в шутку, но, при этом, всегда снимал рубашку. Поэтому, у Эммы не осталось сомнения – сейчас будет драка.

Через пару часов побитый и пьяный Максим спал в машине. Эмма убедилась, что он спит, и тихонько села рядом. Она ждала, когда друзья созреют, чтобы ехать домой. Она негромко включила магнитола, и вдруг услышала резкий выхлопной звук, после которого в машине повеяло отвратительным запахом. Сомнений не было, это «стрелял» Максим. «Пить меньше надо!», – в сердцах кинула девушка и вышла на свежий воздух.

Это напрочь отвернуло ее от Максима. И история их от-

ношений окончательно была закрыта.

3. К чему приводит незнание города

После Максима у Эммы был еще один роман, если так можно сказать. Его звали Виктором, и он был бабником. Он не пропустил ни одной подружки Эммы, после чего девушка узнала, что подругам доверять нельзя, а с Виктором рассталась в одночасье. Возможно, Эмма никогда не узнала бы о его изменах, если б он не сболтнул лишнего.

После момента интимной страсти, он, не сдерживая эмоций, выпалил:

– Ты даже не представляешь, какая ты! Вот вроде ничего не делаешь, позволяешь себя ласкать и не больше, но ни одна с тобой не сравнится! Сколько бы они не извращались, ни одна не стоит тебя. Вот тянет меня к тебе и все. Я думаю, это любовь. Ты как думаешь?

У Эммы было подозрение в отношении одной ее из подруг, и сейчас оно только укрепилось. Она решила все узнать.

– «Ни одна» – это Вика?

– Ты знаешь? – удивился Виктор.

– Да, – блефовала Эмма.

– Ты бы ее меньше слушала, она тебе такого наговорит! Другие же молчат? – настороженно поинтересовался Вик-

тор.

Эмма поняла, что сейчас она узнает много интересного, и ей стало страшно. Но, все же, она решилась:

– Давай сделаем так, ты мне все расскажешь, все-все, без утайки. А я сумею тебя простить – просто за твою честность.

В этот момент Эмма уже понимала, что она не сумеет простить. Но, она должна узнать правду любой ценой. И она ее узнала. От этой правды девушку затошнило, у нее не осталось никого, кому можно было бы доверять. Из рассказа Виктора выходило, что только одна из подруг удержалась от его чар. «По крайней мере, хоть одна у меня есть» – горько осознала она.

Виктор закончил свои признания и сразу же был выставлен за дверь. В душе Эммы произошел надлом, она больше не верила ни в любовь, ни в дружбу. Она решила все силы бросить на образование и тщательное изучение иностранных языков. Девушка была уверена – с такой профессией она всегда будет с куском хлеба. На тот момент Эмма была студенткой второго курса, и ее будущее ей оказалось оптимистичным.

И вот, спустя несколько лет, когда Эмма окончила университет, получила профессию, овладела двумя иностранными языками, она никому не была нужна. Выживая в тяжелых экономических условиях, Эмма познала себя, как коммерсанта и кулинара, закоптила всю кухню и... осталась у разбитого корыта. Таким образом, в её предпринимательской

деятельности была поставлена жирная точка.

После запрета матери продолжать пирожковую деятельность, Эмма стала искать любую работу, лишь бы платили. Поиски привели ее в газетный киоск, где она купила пару газет с объявлениями.

Девушка засела возле телефона и после нескольких звонков, получив отказ, она уже приготовилась упасть духом, но неожиданно её приняли диспетчером в такси. В тот же день, не теряя времени, она пришла с трудовой книжкой оформляться на работу. Но ей предложили устный договор, видимо экономя на бумаге. Выбирать не приходилось и уже на следующий день она приступила к обязанностям диспетчера.

В то время, когда Эмма еще не работала в службе такси и ей приходилось вызывать машину, она обращала внимание на голос диспетчера. И теперь она знала, как ответить абоненту, чтобы оставить приятное впечатление. Девушку всегда возмущали равнодушные работники любой отрасли, и службы такси в том числе. Она решила быть вежливой, приятной и... немного романтической. Это так забавно общаться с людьми, представляя, как они выглядят, рисуя портрет человека только по одному голосу.

Но работа Эммы оказалась не такой уж и романтической. Первые дни к ней присматривались, а потом пошли замечания – сначала терпеливые, корректные, и в конце концов, главный бухгалтер, который был единственным бухгалтером в фирме, и начальником Эммы в одном лице, в выражениях

уже не стеснялась.

– Это какой дурочкой надо быть, – кричала бухгалтерша в открытую дверь из соседнего кабинета, – чтобы век прожить в городе и не знать его!

– Я знаю, – тихо возражала Эмма.

– Знает она! Что ты там знаешь? Не фи́га ты не знаешь! – еще пуще выходила из себя бухгалтерша.

Эмма не заметила, как та оказалась возле нее, размахивая руками и выпучив глаза, которые из маленьких сделались большими и круглыми.

– Чего тогда таксистов в другой район направляешь?! Тебе русским языком было сказано: «Октябрьский район!», а ты куда человека погнала?!

– Но, так он таксист, лучше меня город должен знать, – неуверенно оправдывалась Эмма.

– У нас мужики по пять часов и того меньше спят! Хозяин за рекламу, знаешь, какое бабло отстегивает? Телефоны нашей службы по всему городу развешены! Чтобы такая дура, как ты, клиентов разгоняла?!

– Да, что я такого сделала? – чуть не плакала Эмма, в душе соглашаясь, что она и в правду плохо знает город.

– Вот хозяин придет и расскажет тебе, что ты сделала! Он за свое бабло тебя на счетчик поставит.

– На какой счетчик? – испугалась Эмма. Она была готова уже сегодня расторгнуть их устный договор. По ее мнению, достаточно было одного «до свидания», чтобы здесь больше

не работать.

Но, заметив, как испугалась Эмма, бухгалтерша неожиданно подобрела и вдруг заржала на всю комнату.

– Ни на какой! Работай давай, вон телефон звонит, ответь клиенту, – сквозь смех ответила она.

Возможно, бухгалтерша и подобрела, но на следующий день пришел хозяин. Эмма видела его впервые. Это был мужчина среднего возраста и такого же роста. В его внешности привлекали внимание губы, похожие на вареники. «Губошлеп» – сразу про себя прозвала его Эмма. На нем была дорогая одежда, но, похоже, на размер больше положенного. «Похудел, что ли? Вон, как болтается» – озабочилась Эмма.

– Вася, – представился он. И видя, что девушка растерянно смотрит на него, ухмыльнулся, – да, не Вася я, не Вася...

– Меня зовут Эмма, – представилась девушка «не Васе».

– Хорошо, Эмма, – вежливо отозвался он. – Надо поговорить о твоей работе.

Бухгалтерша сразу же закрыла дверь своего кабинета, чтобы не мешать деловому разговору.

– Пошли, – сказал хозяин Эмме.

– Куда? – не поняла девушка.

– Пойдем, не волнуйся, все нормально. Здесь рядом кафе есть, поговорить надо.

«На бандита похож», – успела испугаться Эмма, но за хозяином пошла.

Кафе, в которое ее пригласил «не Вася», оказалось боль-

шим рестораном, но совершенно пустым. Они заняли крайний в углу столик. Хозяин сразу отложил в сторону меню, подозвал официанта и просто попросил два кофе. «Не похоже, что будет приставать», – оценила обстановку Эмма.

– Эмма, работать хочешь? – без предисловий спросил он.

– Да, хочу. Понимаете... – подбирала она слова, – я город неплохо знаю. Названия улиц только путаю; районы, вроде как, знаю, а вот улицы...

– Если хочешь, значит, будешь работать. – Не вслушиваясь в ее лепет, сказал хозяин. – Голос у тебя приятный, клиентам понравится.

Эмма не верила своему счастью – её оставляют на работе. Но почему он сказал «понаравится»? О каких клиентах он говорит?

– Продолжай работать в такси, но уже из дому, – огорчил её хозяин. – Изучай районы там, улицы... Не волнуйся, работы будет не много. Я твой телефон в контору отдам, а у тебя другой будет. Понимаешь мой замысел? – пронизывая ее взглядом, спросил он.

Эмма не понимала. Но, боясь потерять работу, она кивнула в знак согласия.

– Умница, – похвалил он свою подчиненную. – У тебя, кстати, домашний телефон есть? – зачем-то поинтересовался хозяин и, получив утвердительный ответ, достал мобильный телефон и подал его Эмме, – вот возьми. Звонить будут... – он сделал заминку, подбирая слова помягче, чтобы

не шокировать девушку, – мужики там разные, спрашивать девушек. Тебе надо будет только из дому перезвонить на городской телефон. Номер я тебе дам. И сообщить адрес. Понимаешь, о чем речь?

Конечно, она ничего не понимала и уже приготовилась сбежать – от этого разговора, от этого пугающего её человека; вон из этого ресторана с длиннющим, как железнодорожная рельса, и пустым залом. За большими окнами, куда устремила спасительный взгляд Эмма, сновали люди, по дороге двигался транспорт, жизнь текла, как обычно.

Она не понимала, что она делает здесь, за этим угловым столиком, и хотела только одного – примкнуть к тем, которые за окнами... Но хозяин оказался совсем не глупым человеком, и, заметив панику в поведении девушки, постарался ее успокоить:

– Не стоит волноваться, работа, как работа. У меня вон уже трое на телефонах сидят. Зарплату раз в неделю получают, регулярно в руки. Все прилично, не мятые, не клятые, отвечают на звонки, а по субботам зарплата чистым налом.

– А какая зарплата? – осмелилась спросить Эмма.

– Такая же, как тебе в такси обещали. Только выплаты еженедельно и без налогов, – доверительно улыбнулся он.

– Такая же... – произнесла Эмма, только лишь для того, чтобы что-то сказать. Она не знала, как ей быть, и до конца не понимала, чего от нее хотят.

– А как иначе...? – обращаясь к Эмме, как к давней по-

друге, увещевал подобревший хозяин. – Смотри, диспетчеров трое, с тобой – уже четверо. Аренду помещения оплати, «крыше» отстегни, сотовая связь сама знаешь, сколько стоит. А телефонов не один – четыре. И плюс девушкам процент отдай. Бензин и все такое... Вот и считай.

Он добродушно улыбнулся ускользящей от его взгляда Эмме:

– Ты с кем живешь? – спросил он.

– С мамой.

– Отца нет? – втягивая девушку в разговор, спросил хозяин.

– Нет, отец умер.

– Тяжело без хозяина в семье, – с пониманием вздохнул он. – Не замужем?

– Нет. Пока нет, – смущаясь, ответила Эмма.

– Ой, не переживай, этого добра в твоей жизни еще будет! Ты девушка красивая. Мужики, наверное, штабелями ложатся?

Эмма усмехнулась, невольно поведя плечами.

– Слушай, а сама подработать не хотела бы? – вдруг спросил он. – Внешность у тебя хорошая, глаза вон какие красивые, волосы длинные – мужчинам такие нравятся. Грудь какой размер? – без эротического подтекста, а скорей, как закадычный друг, расспрашивал хозяин.

Эмма уже было собралась ответить: «третий», но вовремя спохватилась, удержавшись от откровений. Что с ней? Еще

час назад они даже не были знакомы, и девушка, пытаясь скрыть неловкость, оставила вопрос хозяина без ответа.

– Ну, ладно, и так вижу – не маленькая, – оценил он грудь Эммы. – Ну, так как, если что, можешь иногда кого-нибудь из девушек подменить?

– А что делать надо? – неожиданно для него спросила Эмма.

– Ты че, правда ничего не понимаешь или прикидываешься? – с трудом сдерживаясь, вскипел хозяин. – Ладно, сделаем так: бери телефон и просто передавай заказы на этот номер, – он подал листок бумаги, на котором был записан номер телефона. На немой вопрос Эммы, он на листке дописал еще один телефон, – это мой сотовый. В случае чего, звони мне напрямую. Все вопросы потом. Начинай работать. – И, подзывая официанта, хозяин завершил встречу.

По дороге домой из сумочки Эммы послышалась мелодия. Она не сразу сообразила, что это звонит мобильный. Учитывая, что сотовая связь стоила бешенных денег, девушка даже не могла мечтать о такой роскоши.

– Алле, – ответила она, – служба такси слушает.

– Какая «служба такси»?! – в телефоне раздался раздраженный мужской голос, удивительно похожий на голос хозяина.

– Такси «Шеф», – тут же исправилась Эмма, вспомнив нарекания бухгалтерши, когда она не представлялась клиентам по всей форме.

– Ты – катастрофа какая-то...! – беспомощно застонал в телефоне голос. – Ладно, пока пусть телефон будет у тебя, потом что-то придумаем, – и тут же раздались гудки.

4. Ты только больше не плачь

Ближе к вечеру Эмма разобралась – диспетчером какой службы ее наняли. Связавшись с хозяином по второму номеру, который он ей оставил, Эмма ревела в трубку белугой, но, в ответ, слышала о себе столько лестного, что не посмела дальше перечить сыпавшимся из телефона уговорам. Ей – красавице, умнице, на редкость образованной девушке, как называл ее хозяин, пообещали немного потерпеть. Он обязательно найдет ей замену, но не сегодня и не завтра. Ей было предложено подучить карту города, чтобы с новыми знаниями и силами вернуться в офис такси «Шеф», где должность диспетчера будет ждать её.

И Эмма стала принимать заказы. Общаясь по сотовому, она записывала адрес, пресекая обсуждение лишних деталей. Затем с домашнего телефона перезванивала на городской номер и передавала информацию. Общаться ей приходилось с женщиной лет тридцати, по крайней мере, так казалось Эмме по голосу. Что происходило дальше её не интересовало. Работа была несложной и, что главное, не опасной, чего, собственно, и боялась Эмма. Самым сложным для нее было убедить мать, что продолжает работать в службе такси, маскируя свои телефонные разговоры и стараясь обходиться общими фразами.

По субботам проходили встречи с хозяином, где, кроме

нее, присутствовало еще три женщины. Две из них были пенсионного возраста, и третья – девушка по имени Марина, примерно, таких же годов, как Эмма. Обычно за столиком в одном из ресторанов быстрого питания они все вчетвером ждали его – всегда опаздывавшего. Встречи были короткими, хозяин только раздавал деньги, положенные за недельную работу, минуты две уделял на комплименты и тут же поспешно удалялся по своим важным делам. Женщины еще некоторое время продолжали общаться, не имея привычки касаться дел службы. Засиживаться с коллегами Эмма не любила и стоило одной из пенсионерок достать каталог с продукцией сетевого маркетинга, как она сразу вспоминала о своих неотложных делах.

Жизнь Эммы стала тихой, мирной, и, как ей казалось, стабильной. Зарплата была небольшой, но для того времени вполне допустимой, чтобы сносно кормить семью, оплачивать коммунальные услуги и оставлять копейки на самые необходимые женские штучки. И, все бы ничего, если бы диспетчерские обязанности Эммы не стали расширяться. Постепенно ей вменили подачу объявлений.

– Ты не одна такая, – объяснял хозяин по телефону на жалобы Эммы, – все по очереди раз в неделю ездят в редакцию. Раз в месяц съездишь, ничего с тобой не случится. Что за капризы? Или ты хочешь, чтобы я тебе проезд компенсировал?

Не о проезде думала девушка, Эмма чувствовала себя ужасно, когда, глядя в лицо женщине преклонного возраста,

та, подавала заполненный бланк объявления с недвусмысленным текстом. Но это было только началом беды. Как-то позвонил хозяин и непринужденно, по-дружески, как он это умел, попросил Эмму сопровождать девушек на один адрес:

– Они там все останутся, деньги тебе отдадут, а я вечером к тебе подъеду, заберу.

Как Эмма не упиралась, но ехать пришлось. Назвав таксисту адрес, она подъехала к офисному зданию, которое служило для местных предпринимателей бизнес-центром. В это позднее время свет горел только в коридорах и на лестничных площадках. Она поднялась на лифте на третий этаж и пошла по длинному коридору на звук. Дверь одного из кабинетов была открыта, и Эмма робко вошла, на всякий случай, оставив открытой дверь. В кабинете было несколько мужчин, внешний вид которых говорил о их высоком материальном достатке. Тут же стояли девушки – всего их было человек пять. Эмма обратила внимание, что девушки стоят в верхней одежде, с чего сделала вывод, что те приехали совсем недавно.

– Здравствуйте, – стараясь не привлекать к себе внимание, поприветствовала Эмма, и обращаясь к девушкам, спросила, – кто у вас главная?

– А ты что, на работу устраиваться приехала? – сострил один из мужчин, и все присутствующие заржали.

– Нет, – растерялась Эмма, – я за деньгами.

– За какими деньгами? – сыграл удивление тот же мужчи-

на, видимо, он у них был главным – то ли по рангу, то ли по шуткам, – обратила внимание Эмма.

К ней приблизилась одна из девушек и шепнула, указывая на коридор:

– Подожди там, я потом выйду, вынесу деньги.

Облегченно выдохнув, Эмма бегом направилась к выходу, и уже у самой двери за своей спиной услышала голос все того же шутника:

– Девушка, подождите. Вы разве не остаетесь?

– Нет, – почти выкрикнула она, – я – диспетчер!

– Диспетчер? Вот как?! А если я хочу, чтобы остался диспетчер...?! – повелительным тоном обратился он к девушке, которую Эмма про себя уже назвала своей спасительницей, и голос которой она узнала, – это она принимала заказы по городскому телефону.

– Но, вроде как, не положено, – спасительница обрадовалась своим ответом Эмму, которая вцепилась в дверь кабинета, одной ногой уже приготовившись дать деру.

– Кто это решает? – не унимался мужчина, – если девушка пожелает... – И уже обращаясь к Эмме, сделал предложение, от которого она, по его мнению, не могла отказаться, – плачу тройную ставку.

– Нет, нет, мне надо идти, – поглядывая в проем коридора, ответила Эмма. Она готова была придумать любую причину, даже мысль о не исключенном утюге мелькнула у нее в голове.

– Мы тебя здесь жить не оставляем, – засмеялся шутник, – пару часиков и мы все разойдемся.

Паника овладевала Эммой, она окатила шутника полным обиды и укоризны взглядом и возопила:

– Я – диспетчер! Понимаете, я – диспетчер! – и обращаясь к девушке-спасительнице, тоже почему-то с обидой сказала, – если денег нет, тогда я пошла.

– Ну, иди! – закипая, согласился шутник. – И вы можете идти, – кинул он девушкам, которые растерянно смотрели на свою главную. Они топтались на месте, ожидая развязки этой истории.

– Последний раз предлагаю, – обратился шутник к Эмме, или ты остаешься, и я плачу втрое больше – каждой, или они уезжают все!

Эмма, думая только о побеге, тихо буркнула себе под нос: – Ладно, вы тут разбирайтесь, а я пошла... – и девушка рванула вон из кабинета. Добежав до конца коридора, она услышала гомон. Оглянувшись, она увидела, что из кабинета вышли все девушки и направились в сторону лифтов. Эмма рванула вниз по лестнице, и через минуту бежала по тротуару прочь от этого ненавистного бизнес-центра, который потом, и по прошествии многих лет, старалась обходить десятой дорогой.

Сказать, что хозяин был сердит, Эмма не могла, – скорей, он укорял ее в непрактичности:

– Глупая девочка, как только жить собираешься? Образо-

ванная же девчонка, и такая глупая, – подытожил он.

И только спустя время, Эмма поняла, что не заслужила такой доброты, такого прощения... Надо было гнать, поганой метлой гнать, ссанными тряпками, – гнать, чтобы бежала, не оглядываясь! Чтобы эта образованная и глупая бежала далеко-далеко, подальше от того мрака, в который вгонял ее хозяин.

В тот день Эмма замочила белье и занялась уборкой квартиры. Мать ушла по делам и можно было разгуляться. Девушка включила погромче музыку и принялась генералить. От работы ее отвлек звонок мобильного телефона. Хозяин просил девушку сходить на одну встречу, где ей придется пообщаться с двумя девушками, которые просят в его контору. Слово «контора» смутило Эмму, – неужели он набирает штат в службу такси? Девушка еще не теряла надежды вернуться на свое рабочее место, тем более, что карту она почти выучила.

– Посмотришь, как они выглядят и потом расскажешь мне. Если нормальные, я дальше сам с ними поговорю. – И, услышав ответную тишину, он объяснил, – я бы сам сходил на встречу, но не в городе пока.

Уважить в такой простой просьбе девушке не составляло труда. То, что хозяин не в городе, она тоже знала, поэтому и терпеливо ждала свою зарплату, которую ей задолжали за две недели. Единственное, чего она не понимала – это критериев оценивания. Впрочем, как и просил ее хозяин, она

посмотрит на них, а дальше пусть сам разбирается.

Возле магазина было немногочисленно и заметить двух девушек не составило труда.

– Добрый день, меня просили встретиться с вами, – подошла к ним и заговорила Эмма.

За ее спиной раздался мужской голос:

– Говоришь, просили встретиться? – голос был глуховат и шипел на самое ухо девушке.

Она попыталась оглянуться, но крепкие руки говорящего обхватили ее, не давая возможности пошевелиться. Из-за плеча Эммы, касаясь лица девушки, вынырнула его голова. Это был мужчина лет сорока с наглым взглядом, который обычно принадлежал людям, уверенным в своей безнаказанности. Обидчик заломил руки девушки за спиной и подтолкнул ее вперед:

– Давай, пошла, расскажешь в отделении, кто тебя просил встретиться.

Рядом нарисовался еще один мужчина, с которым они на пару отпускали колкости по отношению к Эмме. Девушку посадили в машину и отвезли в отделение милиции. Там сразу приступили к допросу. И первым, что потребовалось от Эммы – назвать имя босса.

Девушка была чрезвычайно растеряна, – сначала ее, как преступницу, вели с заломленными за спину руками перед всем народом, теперь в отделении пытаются, не давая даже позвонить матери. Хотя, звонить матери она, как раз-таки, и

боялась. Эмма поняла, что попала в передрагу, из которой очень непросто будет выбраться. Девушка рыдала на весь кабинет, не веря, что это она сидит на стуле перед грозными сотрудниками министерства внутренних дел. Впрочем, один из сотрудников как-то быстро подобрел и, подавая Эмме стакан воды, сказал:

– Слезы тебе не помогут. Расскажи все, как есть и мы тебя сразу отпустим.

Девушка взяла трясущимися руками стакан с водой, отпила добрых полстакана и, доверчиво глядя на доброго милиционера, глотая слезы, призналась:

– Я не знаю, как его зовут. Он назывался Васей. Потом сказал, что, на самом деле, он не Вася.

– Ну... что ты с нас дураков делаешь? – с грустной полуулыбкой сказал «добрый».

– Я правда не знаю! – возопила Эмма. – Про себя мы его называли просто хозяином.

– Кто это «мы»? – ухватился за информацию злой милиционер.

– Ну, мы – диспетчеры, – стараясь не встречаться взглядом со «злым», ответила Эмма доброму милиционеру.

– Много вас – диспетчеров?

– Всего четыре, – простодушно ответила Эмма.

– Расскажи все, что знаешь про босса, – обратился к ней «добрый».

Как оказалось, Эмма знала совсем немного, а, если чест-

но, совсем ничего. Она не знала ни его имени, ни места жительства, она не имела ни малейшего представления, где находится помещение, куда она передавала заказы. Она даже не знала имени девушки, с которой ежедневно общалась по телефону.

– Да, нехорошо получается, – с сожалением вздохнул «злой», и превратился в доброго, понимающего милиционера. – Понимаешь, мы тебе здесь не враги. Ни ты, ни другие диспетчеры нас не интересуют. Нам босс твой нужен. Когда ты последний раз видела его?

– Недели две назад, – не думая, ответила девушка. Она точно помнила день последней выплаты зарплаты, потому что последующих выплат больше не поступало.

– Как-то нехорошо он с вами поступил, не находишь? – заметил один из милиционеров, которых Эмма больше не классифицировала на доброго и злого, потому что они оба стали добрыми. – У вас у всех семьи, кушать что-то надо, а он тупо кинул вас.

– Нет, – искренне возразила Эмма, – он просто не в городе.

– Конечно, не в городе, – заржали они. – А знаешь, почему он не в городе? Потому что от нас ныкается, не хочет сотрудничать по нашим правилам.

У Эммы все смешалось в голове. Выходит, они знают его и даже сотрудничали раньше? И тут они показали ей несколько фотографий хозяина, на которых он был изображен в по-

мещении, похожем на сауну. На фотографии были еще другие люди, но их лица были зарисованы фломастером.

– Смотри, он? – с какой-то торжествующей улыбкой спросил милиционер.

Эмма сделала вид, что присматривается к лицу на фотографии, соображая, что ответить.

– Ладно, не корчи из себя «надежного друга», – сердито сказал «бывший злой», снова превращаясь в «злого настоящего». – Значит, расклад такой: ты вспоминаешь все о своем боссе, даже то, что тебе кажется неважным. А мы тебя выпускаем. Не захочешь сотрудничать, пойдешь в клетку. Мы имеем право трое суток тебя здесь держать, до выяснения личности. Или кто-то может твой паспорт привезти? С кем ты, кстати, живешь?

– С мамой живу, – слезы снова покатались из глаз девушки. – Но мама уехала, будет через несколько дней.

– Вот и хорошо, значит будешь три дня куковать здесь. Пойду позову начальника отделения и будем тебя оформлять.

Через время в кабинет зашел начальник отделения и, похожий на злую обезьяну, начал «плясать» вокруг Эммы, обходя ее стул по кругу и рассматривая девушку:

– Ты что, тварь, думаешь, будешь богиней в камере?! Тебя там за день сломают! – начальник отделения безбожно матерился после каждого слова. – Будешь в камере знаешь кем? Розовой пантерой! В курсе, что такое розовая панте-

ра? – продолжал он психологическую пытку. – Знаешь, спрашиваю?! – свирепел он.

– Нет, – едва шевеля губами, прошептала Эмма.

– Вот и узнаешь! Будешь дарить любовь какой-нибудь девке, которая тебя выберет. Ты пробовала уже с девками? – насмехался он.

Эмма поняла, что лучше отвечать, и снова шепотом сказала:

– Нет...

– «Нет», – повторил он, – и правильно, не для тебя это. Вижу, ты неплохая девушка, – в одну секунду подобрел начальник отделения.

«Это у них профессиональное», – поняла Эмма, замечая, как характеры и настроение сотрудников милиции меняются в доли секунды.

– Давай сделаем так, – погладил ее по голове начальник, – ты посидишь, все вспомнишь, наверняка, какие-то детали всплывут у тебя в голове, и ты все расскажешь. Договорились?

– Да, – согласилась Эмма. И в ту же секунду у нее в голове всплыла одна деталь, про которую она совсем забыла. – Я вспомнила! У него еще есть служба такси.

– Какая служба такси? – переглянулись милиционеры.

– Такси «Шеф». Адрес я знаю, и главного бухгалтера тоже знаю, – сообщила она.

– Вот так новости... у него такси... – недоумение сотру-

ников милиции было искренним, по всему выходило, что они впервые слышат эту информацию.

Эмма рассказала им все, что знала о службе такси; ее попросили перечитать собственные показания, расписаться под ними и предупредили:

– По первому требованию ты здесь. И то, что ты не под подпиской, ничего не меняет, из города ни шагу. И давайте, собирайтесь там... ищите вашего босса. Это в ваших интересах.

Эмма вышла из отделения ближе к вечеру. Дома ее обсыкала мать, которая не понимала, куда могла пропасть дочь, бросив неубранной квартиру и оставив замоченное белье на полдня. Эмма буркнула матери что-то невразумительное и заперлась в своей комнате. У нее не было никого, к кому бы она могла обратиться за помощью или советом, ей элементарно не с кем было даже просто поделиться своей бедой. Мать ни за что на свете не должна узнать, – решила Эмма, и пожалела, что не взяла телефоны других диспетчеров. Но, пораскинув мозгами, она нашла выход. В ящике трюмо девушка отыскала старые газеты, в которых нашла объявления, которые периодически сама же и давала.

Эмма позвонила по всем номерам, которые там были указаны и всем троиц назначила встречу в ресторане быстрого питания, где они обычно встречались по субботам.

– Ты куда? – кинулась за ней вслед взволнованная мать.

– Мам, я скоро! – кинула на ходу Эмма.

Даже, если бы у нее было время на объяснения, она все равно ничего вразумительного не могла сказать матери. Врать Эмма не любила, да и просто не могла. Но в этот раз она обязательно что-нибудь соврет, только бы не волновать мать. Потом, позже, вечером – она придумает что-нибудь для нее, а сейчас она должна выбраться из скверной ситуации, обойдясь малой кровью.

Придя на место, Эмма дождалась, пока соберутся все и объявила пренеприятное известие:

– Хозяин в розыске. Меня сегодня полдня продержали в отделении милиции. Нас просили вспомнить любую информацию о нем, которая поможет следствию. Они оставили телефон, вот... – Эмма раздала всем троим записочки с номером телефона сотрудников милиции, которые она подготовила дома перед выходом.

Во время разговора она поняла, что другие, так же, как и она, ничего о нем не знают. Но в их поведении она не заметила беспокойства, смятения или каких-либо других признаков волнения. «Ничего-ничего, – отметила про себя девушка, – это пока вы в отделение не попали, там у вас другое выражение лица будет».

Но Эмма крупно ошибалась. И в отделении милиции, куда на следующий день она была вызвана телефонным звонком, Эмма застала только одну Марину. Другие две диспетчерши куда-то испарились. Один из милиционеров доверительно поведал Эмме, что по месту жительства соседи им сооб-

щили, что обе тетечки вместе с семьями переехали на другой адрес, то есть поменяли место жительства. Эмму возмутил сам факт, что этих тетечек, как их называли соседи, никто и не пробовал искать. «Поменяли место жительства – и все?!» Но, что тогда здесь делает она? Единственное, что утешало Эмму – это присутствие Марины, по крайней мере, она не была одна.

Постепенно ситуация стала разъясняться, и из разных источников Эмма узнала истинную причину произошедшего с ней кошмара. Марина подключила свои связи, – помочь девушкам не помогли, но картина стала предельно ясной. Отделение милиции, куда Эмма стала ходить, как на работу, раньше крышевало хозяина, то есть – Дениса Волынкина, а совсем не Васю, как представился он Эмме. Последнее время что-то в отношениях Волынкина и милиции не заладилось, и первый решил слинять, то есть, отсидеться в укромном месте, пока конфликт не решится. Но, при этом, он не был намерен лишаться денег и руководил фирмой дистанционно, со стороны наблюдая, куда свернет кривая. И вот сейчас, когда кривая завела в тупик, и на его фирму открыли уголовное дело, Волынкин окончательно скрылся с горизонта, как смеялись его бывшие подельники из органов милиции: «телефон в речку, а сам за границу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.